

УДК 800

В.В. Орехов

Крымский русский культурный центр

ФРАНЦУЗСКИЙ МИФ О РОССИИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «НОВЫХ МИФОВ»

Рассматриваются теории мифа и мифотворчества, которые применяли многие литературоведы, упомянутые в статье, для своих оригинальных литературоведческих концепций творчества. Цель данной статьи – установить, насколько правомерно утверждение о «новом мифотворчестве» и проанализировать французские мифы о России.

Проблемам мифа посвящено очень большое число исследований. Тем не менее, вопрос о «новом мифотворчестве» остаётся остро дискуссионным. Что касается истории возникновения и развития французского мифа о России, то в отечественном литературоведении он рассматривается впервые и перспективы его исследования очень широкие.

Анализ процессов мифотворчества в разные культурноисторические эпохи и исследование триады «архетип-миф-традиционный сюжет» признаются приоритетными направлениями современной компаративистики. Однако перед всяким исследователем неизбежно возникает затруднение, связанное с многочисленными и крайне неоднородными трактовками понятия «миф». Немецкий теоретик литературы Р.Вейман даже заметил, что «словесный знак «миф» коррелируется сегодня со взаимоисключающими значениями и употребляется не только как нечто многозначное, но и как весьма неопределенное» [1, с. 262].

Однако если отбросить бытовое, «расхожее» значение слова «миф» как «лжи», «вымысла», «фантазии», то условно все научные дефиниции этого понятия разбиваются на две стержневые категории.

Первоначальное, наиболее широко употребляемое значение термина практически любым словарем [2, т.4, с. 876] прослеживается этимологически от греческого *μῦθος* (повествование, сказание) и толкуется как рассказ, порожденный «народной или религиозной фантазией, в

котором дается в художественнообразной форме объяснение различных явлений природы либо осмысление, обоснование явлений культуры или религиозных обрядов. <...> Мифы – чаще всего повествования о богах или других сверхъестественных существах». Второе, модифицированное значение слова также указывается многими словарями [2, т.4, с. 876], причем стержневая сема «рассказ», «предание» уходит на периферию, либо вообще вытесняется, а ее место занимает сема «представление мифологического сознания». Такая трактовка характерна для более поздних по времени издания словарей, и связана с тенденцией разграничивать миф и литературу и определять миф как систему мировоззрения. Советская исследовательница О.М.Фрейденберг (которую Т.Г.Мальчукова вполне резонно относит к последователям мифологоригуалистской школы) еще в 1943 г. писала: «Это чистейшая условность, что мы называем мифом только словесно выраженный рассказ. На самом деле таким же мифом служат и действия, и вещи, и речь, и “быт” первобытного человека, то есть все его сознание и все, на что направлено его сознание».

Мифы – «создания коллективной общенародной фантазии, обобщенно отражающие действительность в виде чувственно-конкретных персонификаций и одушевленных существ, которые мыслятся первобытным сознанием вполне реальными» [2, т.4, с. 876], – таково толкование мифа, наиболее соответствующее требованиям современной науки. Однако оно отнюдь не универсально, поскольку многие авторы не оставляют попыток дать собственное определение мифу. Авторы же статьи «Мифология» в энциклопедии «Мифы народов мира» (1991), видимо, именно из-за отсутствия универсального толкования вообще уклоняются от однозначного определения термина. Взгляд на мифы как на «античные, библейские и другие старинные “сказки” о сотворении мира и человека», как на «рассказы о деяниях древних, по преимуществу греческих и римских, богов и героев» они, между тем, называют «школьным» и «житейским». Чтобы яснее представить, почему зафиксированное в словарях определение термина «миф» не всегда устраивает современных исследователей, обратимся к знаменитой теории бессознательного развитой К.Юнгом.

«Все, что связано с мифотворчеством, – заявлял Юнг, – с проявлением мифологического основывается, прежде всего, на уникальных в своем роде структурах глубинного слоя человеческой психики, то есть на коллективном бессознательном». То, что мифы являются плодом именно коллективного творчества, было известно задолго до теорий Юнга. Его заслуга в другом – открытии механизмов коллективного бессознательного действующих, по теории психиатра, не только в первобытном сознании, но и на современном уровне развития человеческой психики. Из этого логически вытекает, что и миф как выражение коллективного бессознательного присутствует в Новом времени, которое способно

запускать процессы мифотворчества. Более того, механика мифотворчества новой эпохи строится по тем же принципам, что и в архаические времена. А мифологические образы строятся по архаическим схемам, которые Юнг назвал архетипами.

Таким образом, юнговская теория нарушала традиционную «жесткую» увязку бытования мифа с мироощущением первобытного человека».

Ни в одном из словарей нам не удастся обнаружить определения термину «новый миф». Хотя многие из них и делают оговорку вроде следующей: «Некоторые особенности мифологического мышления могут сохраняться в массовом сознании рядом с элементами подлинно философского и научного знания, рядом с использованием строгой научной логики. <...> Живучесть некоторых стереотипов мифологического мышления в области политической идеологии и в связанной с ней социальной психологии делает в определенных условиях массовое сознание питательной почвой для распространения «социального» или «политического» мифа». Энциклопедический словарь «Политология» включает даже отдельную статью «Миф в массовой политической информации», но и он не дает четкого определения новым мифам.

Возникает вопрос, как соотносятся новые мифы и классические мифы архаики. С.С.Аверинцев по этому поводу осторожно замечает: «Когда из мифологии вычлениаются такие формы общественного сознания, как искусство, литература, наука, религия, политическая идеология и т.п., они удерживают ряд мифологических моделей, своеобразно переосмысляемых при включении в новые структуры; мифы переживают свою вторую жизнь» [2, т. 4, с. 876]. Какие именно мифологические модели удерживаются в современном сознании и как они переосмысляются – остается неясным. Впрочем, от энциклопедий и нельзя требовать исчерпывающей информации.

Обратимся к специальным работам. Невзирая на то, что четкого определения термину «новые мифы» не существует, в последнее время появился ряд работ, посвященных либо разоблачению мифов Нового времени [3; с. 21 и т.д.], либо изучению их функционирования. При анализе этих работ становится очевидной их ориентация на поэтику классических древних мифов. На практике распознавание нового мифа происходит при сравнении некоего культурного феномена с классическим мифом. Наличие у феномена некоторых характерных черт, а именно: следов мифологического сознания и мифопоэтических структур – является основанием для отнесения этого феномена к разряду новых мифов. Так, например, Л.И.Вольперт рассматривает повествовательный материал о Наполеоне, накопленный в разных литературах, как «новый миф» [4, с. 293] на том основании, что этот материал представляет собой «тип фантастического массового сознания, восходящий к архетипам героя погубителя и спасителя» и «характеризуется такими категориями, как анонимность, повторяемость, цикличность, тенденциозность» [4, с. 293].

Попытаемся выделить основные черты мифомышления и мифопоэтики, которые, по мнению ученых, можно наблюдать в современную эпоху.

Мифологическим мышлением называют первобытную ступень человеческого сознания, когда миф является отражением картины мира, результатом и способом освоения мира. Причем наукой установлено, что разрозненные, не контактирующие между собой в древние времена народности обладали принципиально тождественными структурами мифологического сознания. «Мифологическое мышление, – замечает В.А.Марков, – при наличии локальных этнокультурных особенностей имеет универсальный, глобальный и единый по своей структуре характер». Эта первая и, может быть, самая важная установка при обнаружении следов архаического мышления в современности – мифологическая структура должна обнаруживаться не на уровне отдельной этнокультуры, а на уровне культуры общечеловеческой. По выражению В.Е.Хализева, эта особенность сохранилась в современном художественном творчестве, содержащем «вселенские и природные начала (универсалии)», представляет собой «многоплановый комплекс *вечных тем*, многие из которых <...> являются достоянием *всех* стран и эпох».

Отдельный вопрос – отношение носителя мифологического мышления к мифу. Представление о мифе как о сказке в наши дни утратило популярность. Современную науку интересует, как миф «понимали в первобытных и примитивных обществах, где миф обозначал, как раз наоборот, «подлинное, реальное событие» и, что еще важнее, событие сакральное, значительное и служащее примером для подражания». А.Ф.Лосев утверждал даже, что для понимания мифа «надо сначала стать на точку зрения самой мифологии, стать самому мифическим субъектом» [5, с. 8].

Восприятие мифомышлением мифологических представлений в качестве реальности утверждается наукой как закон. Это напрямую связано с пониманием принципов мифотворчества. Выдвинутый еще К.Марксом тезис о «бессознательно-художественном» характере мифотворчества безоговорочно принимается практически всеми учеными. Действительно, если носитель первобытного мифологического мышления способен к обдуманной переработке или созданию мифа, это неминуемо должно вести к утрате веры в истинность мифа. И наоборот, поскольку для носителя мифологического мышления миф это даже не отражение реального мира, а – сам реальный мир, его сознание лишается возможности своевольно манипулировать субстанциями этого мира.

«Нужно различать, – совершенно справедливо считает В.А.Марков, – мифы наитивные, с одной стороны, и позднейшие функции отклика (аналитические, художественные) на эту глубокую архаику – с другой». Противопоставление «миф наитивный / миф-сознательный отклик» принципиально значимо.

Литература с древних времен занималась интерпретацией мифа и заимствовала в свой арсенал образы и сюжеты мифологии. Ф.Шлегель даже призвал единомышленников к созданию новой мифологии. Немецкие романтики «чрезвычайно свободно обращались с сюжетами и образами традиционных мифологий, используя их как материал для самостоятельного художественного мифологизирования». Но, по сути, это были лишь усиленные копии естественных мифов, попытки уловить законы и принципы, управляющие классическими мифами. Интерпретации мифологических мотивов и образов и попытки воссоздать в художественном произведении структуру мифа (так называемое «неомифологическое» направление) стали особенно популярны в XX в. Но главное, что отличает эти художественные копии от «естественных» мифов – осознанный, аналитический авторский подход

Другое дело, те мифы Нового времени, которые рождаются по наитию и приобретают архетипическую структуру как бы минуя авторское сознание. Имеются в виду ситуации, образы и мотивы, которые «в силу изначальной мощности, заключенной в них структурно содержательной доминанты, активно используются другими авторами и в процессе функционирования подвергаются своеобразной культурологической мифологизации» – это так называемые «авторские мифы». А.Е.Нямцу относит к таким мифам, например, «Дон Кихота» Сервантеса, «Робинзона Крузо» Д.Дефо.

Возникает вопрос, вызванный очевидным противоречием: как может быть миф *авторским*, если в основе мифотворчества лежит не только принцип бессознательности, но и принцип коллективности. Противоречие, однако, мнимое. Термин «авторский миф» несет в себе ту же долю условности, что и утверждение о коллективном характере мифотворчества.

Автор *авторского* мифа бессознательно реализует в нем универсальные модели, подспудно присутствующие в коллективном сознании, точнее, – подсознании. Он лишь выразитель коллективного. С другой стороны, коллективное бессознательно-художественное творчество должно иметь непосредственного выразителя. Именно к такому выводу приходит О.Ранк, изучая миф о рождении героя: «Саму историю необычного детства героя создают отдельные мифотворцы, которые в совокупности составляют неопределенное понятие «народной души».

«Древние мифы, – пишет В.М.Пивоев, – творились бессознательно, новые могут создаваться обдуманно и планомерно для оболванивания масс».

Но как понимать это – «обдуманно»? Понятно, что Сервантес или Д.Дефо создавали свои произведения вполне обдуманно. В то же время трудно предположить, что они владели точно рассчитанной, аналитически выверенной методикой воссоздания надэпохальных типических моделей общественного сознания. «Тайна воздействия искусства, – утверждает С.С.Аверинцев, ссылаясь на Юнга, – состоит в особой способности художника почувствовать (заметим, исследователь говорит не «знать», а «почувствовать») архетипические формы и точно реализовать их в своих

произведениях» [6, т.1, с. 111]. Только тогда художественное произведение приобретает «вневременной, пророческий и надличностный характер мифа». То есть происходит процесс мифологизации, который В.Н.Топоров определяет как «создание наиболее семантически богатых, энергетических и имеющих силу примера образов действительности». Теперь продемонстрируем примером высказывание В.М.Пивоева о том, что современные мифы служат «для оболванивания масс». В качестве материала возьмем миф о России во французской литературе первой половины XIX в. В знаменитом сочинении А. де Кюстина «Россия в 1839 году» антироссийская тенденция была запланирована заранее, еще до приезда Кюстина в Россию. Целью автора было создать утрированную картину российских недостатков и из политических соображений усилить существующие во французском обществе антироссийские настроения. Выражаясь словами Пивоева, – оболванить массы. По существу, Кюстин просто-напросто должен был стать выразителем политического мифа о России, уже давно бытовавшего в обществе.

Задача была выполнена в совершенстве, и книга Кюстина стала (употребим соответствующую терминологию) «сакральным текстом» французского мифа о России. Но понятно, что маркиз де Кюстин не мог «обдуманно» использовать в сочинении схемы мифологического мышления вроде: противопоставление «своего» и «чужого» пространства, развитие мифологемы антигероя (Николая I) и т.д. Он лишь интуитивно, или наитивно, наполнил конкретными образами архаические модели, существовавшие во французском общественном сознании, носителем которого он сам являлся.

Кюстин не сказал в своей книге ничего нового; он всего лишь создал литературный вариант бытовавшего во Франции мифа и этим способствовал его реактуализации. В этом отношении абсолютно прав М.Элиаде, замечая, что ученым удавалось «зарегистрировать варианты мифа или фольклорной темы, но не был зафиксирован момент создания нового мифа. Всегда речь шла о более или менее измененных вариантах предшествующего текста». Бесчисленные варианты мифа о России мы встречаем в произведениях Стендаля, П.Мериме, В.Гюго, А.Дюма, О. де Бальзака, у множества авторов «третьего ряда», но это всегда только варианты одного и того же, неизвестно кем и когда созданного мифа.

Одной из важнейших характеристик, отличающих мифологическое сознание, является представление о структуре времени. В мифомышлении ярко представлено противопоставление «начального», или «прав времени», и времени эмпирического «Начало» – сакральное время первотворения, и оно предшествует эмпирическому времени. Мифу не свойственно объяснение сущего посредством причинно-временных связей. Носитель мифологического мышления ищет для переживаемых или ожидаемых событий аналогии, «образчики», «модели», «прецеденты» в «начальном» времени. По выражению М.Элиаде, функция мифа – «давать

модели и, таким образом, придавать значимость миру и человеческому существованию». На основании этого М.Элиаде даже предлагает собственное определение мифа: «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена начала всех начал».

В мифологическом сознании время циклично. Все события – это лишь бесконечное повторение прасобытий, прецедентов, которые постоянно актуализируются в жизни сохраняющего мифомышление общества посредством ритуалов, биологических циклов и исторических изменений. «Освоение новой земли повторяет сотворение космоса из хаоса, каждая война – архетипическую битву предков или богов, страдание невинного – страсти бога вегетации, всякая смерть – смерть первого человека, а брак – брак первой супружеской пары», – так сжато излагает энциклопедия «Мифы народов мира» концепцию постоянного «возвращения» мифа.

Абсолютно прав Р.Вейман, утверждая, что миф «обращен, с одной стороны, к прошлым событиям *во времени*, скажем, “до сотворения мира” или в “давние-предавние” времена, а с другой стороны, соотносится с событиями, структура которых рассматривается как *надвременная*: миф объясняет как настоящее и прошедшее, так и будущее» [1, с. 292].

Это высказывание справедливо и по отношению к новым мифам. М.Могильнер, исследовав «мифологию» российской радикальной интеллигенции начала XX в., обнаруживает, что при рассмотрении и этой эпохи применим принцип цикличности: «носитель мифологического сознания существует в постоянной актуализации мифа – повторении преданий, воспроизведении того, что произошло в «Начале». Продемонстрируем и этот тезис собственным примером. Известно, что со времени Великой Французской революции между Россией и Францией надолго установились напряженные политические отношения. В связи с этим идеи Вольтера и Дидро о просвещенной российской монархии почти совершенно забылись, а их место во французском обществе занял (реактуализировался) старый миф об угрозе со стороны «северного соседа» (причем роль угрожающего «северного соседа», в зависимости от политической обстановки, играли также то Германия, то Англия). К моменту вторжения Наполеона в Россию миф об угрозе с севера «переживался» французами настолько ярко, что Наполеону вполне удалось объяснить причины новой захватнической войны идеей самозащиты нации.

С новой силой этот миф актуализировался в связи с Восточным кризисом 1853 г., и французская армия снова напала на Россию, имея в виду исключительно идею самосохранения. Причем французская пресса представляла дело так, что это сама Россия «бросила грозные орды в атаку на старый мир» [7, с. 712]. Впрочем, в промежутке между войной 1812 г. и войной в Крыму русский миф оживал во французском обществе не однажды. Менялись руководители государств, социальные системы, поля сражений, но

миф о России оставался все тем же мифом об угрозе с севера. Время его не меняло.

Очевидно, что мифологема нашествия (или угрозы нашествия) восходит к архетипическому протосюжету. По логике мифомышления, носитель мифа должен постоянно соотносить угрозу со стороны конкретного врага с ситуацией-образцом из эпохи «начального» времени. Так это и происходит, но в мифологическом сознании французов XIX в. модель правремени наполнилась своим новым конкретным содержанием. Именно: ожидаемое нашествие русских чаще всего проецируется французами на мифологизированный исторический сюжет о нападении на Европу гуннов.

В надвременной, «черезвременной» структуре мифического времени заключается одно из различий между мифом и историей – историческими повествованиями, имеющими линейную структуру времени и жесткую хронологическую фиксацию. Однако важно помнить, что история часто наследует мифологические модели, – например, мифологический по природе своей персонаж родоначальника племени, народа, исторической традиции (Рем и Ромул, Рюрик). Исторические повествования, являясь научным способом отражения мира, в то же время часто не способны преодолеть некоторые стабильные, мифологические модели сознания. Примером такой модели может служить образу русского царя во французской литературе. Образ царя везде выписан как бы по трафарету: внешнее величие, внутренняя жестокость и т.д. Причем совершенно стереотипно описываются и оцениваются разные русские цари: Александр I, Николай I, Александр II и т.д. – все с одним лицом и характером.

К.Юнг отмечал: «Говоря о России, сейчас же вспоминаешь «батьку» царя или другого «батьку» – Сталина». Верно, фигура «русского правителя» давно стала персонажем новой европейской мифологии и «вечным» образом европейской литературы. И персонаж этот, как ему и подобает, «живет» параллельно и независимо от исторических личностей. «Для мифологического сознания, – говорит А.Ф.Лосев, – нет ровно никакого научного опыта. Его ни в чем нельзя убедить» [5, с. 22]. Для мифологического сознания есть только один царь – существующий в мифе.

Кстати скажем, что знаменитый открыватель коллективного бессознательного и разоблачитель массовых психозов сам был носителем мифа о России. Упоминая время от времени о России, он непременно выдает себя брошенными будто *бессознательно* фразами вроде следующей «Россия для пресечения опасного роста рождаемости использует трудовые лагеря», или: «Весь мир находится под гнетом русской политики и страшится ее непредсказуемых последствий».

Характерной особенностью мифосознания является восприятие пространства, основанное на оппозиции «свое/чужое». М.А.Новикова относит это противопоставление к «одним из самых древних» и даже

называет «отчасти «дочеловеческим», общебиологическим». «У человека, – утверждает М.А.Новикова – это противопоставление своего/чужого пространства стало фактом культуры мифа, ритуала, религии, фольклора, позже литературы».

Строго говоря, разделение мира на «свое» и «чужое» пространство для коллективного мифологического сознания является способом найти свое место в простейшей системе координат. Понятно, что со временем эта система усложнялась, но на пространственной шкале всегда оставалось два изначальных полюса. И даже когда человеческое сознание разделило пространство на четыре стороны света, «аксиологический смысл, – считает В.М.Пивоев, – при этом не был утрачен, юг и восток (откуда восходило солнце) обычно оценивались в положительном смысле, а север и запад – в отрицательном».

Оппозиция «свое/чужое» пространство сохранилась во французском мифе о России. Россия очень долго, и в силу политического устройства, и в силу чисто географических особенностей, оставалась не только для Франции, но и для всей Европы страной мало изученной, неизвестной, *чуждой*, и потому – страшной. Причем в зависимости от меняющихся политических обстоятельств, от тенденций в искусстве, от сиюминутных впечатлений Россия рассматривалась во Франции то как *восточная* страна (имеющая положительные характеристики: экзотика, самобытность культуры, гостеприимство народа и т.д.), то как «*северный колос*», таящий угрозу войны, деспотизма и т.д. Отрицательная оценка севера, как отмечает Е.М.Мелетинский, «еще со времен мифа стала “общим местом” поэтического сознания».

В.А.Марков точно замечает, что «пространство мифа этноцентрично». Действительно, центром пространства любого мифа является территория, освоенная общиной, ставшая местом ее обитания и пользования. Всякий субъект общины ориентируется в мире, опираясь на эту схему. «Это иррациональный способ, – пишет Пивоев, – духовного воображаемого самоопределения и самоутверждения социальной общности <...>. Он обеспечивает консолидацию общности и оптимальный жизненный тонус за счет возвышения «своего» над «чужим», формирование чувства превосходства и уверенности в своих силах, в праве на «высшую ценность». Изначально консолидирующая объединяющая функция мифа чрезвычайно важна для понимания особенностей разряда тех мифов, которые сегодня принято называть политическими. Строго говоря, французский миф о России можно назвать политическим только с серьезными натяжками. По содержанию он скорее – «этнокультурный» и «исторический». В то же время он наряду с французскими мифами об Англии, Германии, Испании и т.п. играл роль объединителя французской нации, содержал схему геополитических ориентиров французского общества. Он был именно «*склейкой*», формирующей целостные сообщества людей», без которой, как настаивал Юнг, этнос «незамедлительно распадается и разлагается, как человек, который потерял бы свою душу».

В первой половине XIX в. во Франции наступил тот момент «социальных потрясений, ломки постулатов парадигм», когда «интерес к мифу резко обостряется, а точнее, заявляет о себе феномен ремифологизации». Во Франции сложилась «мифотворческая ситуация», то есть особенно обострились: «потребность в иллюзиях, высокий уровень общественной доверчивости, недостаток общей культуры и достоверной информации, эмоциональное напряжение, коллективность переживания и взаимозаражение». Впрочем, не секрет, что и до этого момента французы воспринимали Париж как «столицу мира», центр вселенной. Не стоит усматривать в этом лишь проявление чисто французского тщеславия, которое и так давно стало шаблоном в ряду национальных типологий. Во многом это лишь проявление древней особенности мифомышления, в той или иной мере свойственной любой народности. «Мифология всегда, — доказывает Пивоев, — выражает несколько завышенную самооценку общиной своего ценностного потенциала». То же можно сказать и об «агрессивности» французского мифа о России. Мы, например, заявим, что французы с давних пор, даже во времена благоприятных политических перемен, видели в России постоянную угрозу для Франции, — и будем правы. Но справедливо и то, что мифологическое сознание издревле воспринимало как опасность все, находящееся за границами «обжитого», освоенного пространства. Эта особенность перекочевала, по наблюдению Е.М.Мелетинского из мифов в архаический эпос, где «обычно выступает некая, достаточно мифологическая, дуальная система враждующих племен — своего, человеческого и чужого демонского...». Эта особенность сохранилась и до наших дней.

Своя территория воспринимается мифомышлением в качестве зоны порядка, чужая — зоны хаоса. В разные эпохи эта модель меняет лишь свое конкретное наполнение: «Мифическая борьба за космос против хаоса преобразуется в защиту родственной группы племен, государства своей «веры», от «захватчиков», «насилльников», «язычников».

При этом, однако, не стоит абсолютизировать роль мифологического наследия в современном мире и возводить в ранг мифологического канона, обладающего архаическими корнями и имеющего подсознательную естественную природу, всякое проявление национализма.

Итак, современная наука пока не располагает универсальной дефиницией понятия «новый миф». Не располагает она также ясно сформулированной отработанной методикой и едиными критериями для выявления в культуре Нового времени новых мифов. Поэтому исследователь, задавший целью доказать принадлежность литературного феномена к разряду новых мифов, вынуждены «судить по прецеденту», то есть следовать опыту ученых-предшественников и обнаружить в феномене основные мифопоэтические элементы, суть которых мы сформулировали бы следующим образом:

- 1) Феномен должен иметь характер коллективного бессознательно-художественного творчества, корректируемого авторским, находиться в четких рамках литературно-мифологического канона, иметь свойство массовости, повторяемости, цикличности, тенденциозности

- 2) Литературное разрешение хронотопа должно быть основано на мифологических принципах восприятия времени и пространства.

3) Литературный персонаж (или персонажи) должен обладать явными мифологическими чертами: иметь архетипическую природу и быть устойчивым к модификациям.

На основе следующего можно сделать следующие выводы: 1. Современная наука не располагает универсальной дефиницией понятия «новый миф». 2. Французский «миф о России» носит ярко выраженный агрессивный характер.

Библиографический список

1. Вейман Р. История литературы и мифология / Р.Вейман. — М.: Прогресс, 1975. — 344 с.
2. Аверинцев С.С. Мифы / С.С.Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. — М., 1967. — Т. 4. — С. 876–881.
3. Кондратов А.М. Как рождаются мифы XX века / А.М.Кондратов К.К.Шилин. — Л.: Лениздат, 1998. — 176 с.
4. Вольперт Л.И. Пушкин в роли Пушкина / Л.И.Вольперт. — М.: Языки русской культуры 1998. — 330 с.
5. Лосев А.Ф. Миф – число – сущность / А.Ф.Лосев. – М.: Мысль, 1994. — 919 с.
6. Аверинцев С.С. Архетипы / С.С.Аверинцев // Мифы народов мира: Энциклопедия, В 2-х т. — М., 1991. — Т. 1. — С. 110–111.
7. Клеман М. И.С.Тургенев и Проспер Мериме / М.Клеман // Лит. наследство. — М., 1937. — Т. 31-32. — С. 707–752.

Поступила в редакцию 10.06.02 г.